

Святые грузинские отцы Иверского монастыря
(современная икона)

архимандрит Владимир (Швец)

ИСТОРИЯ ГРУЗИНСКОГО МОНАШЕСТВА

Пятьдесят лет тому назад в 1967 г. я поступил в Ленинградскую Духовную Академию и, сдав экзамены, сам не ожидал, что мной заинтересуется управляющий Ленинградской епархией митрополит Никодим (Ротов) и тогдашний ректор академии, сегодня митрополит Волгоградский Герман (Тимофеев). Почему я им понравился, не знаю, но было такое событие в моей жизни. Все особые моменты в церковной жизни того времени и все заседания Синода Русской Православной Церкви были связаны с митрополитом Никодимом (Ротовым), а он был особый человек. Тому подтверждением служат нижеследующие строки:

«Обет Господу.

Давала обет Господу, который потом исполнила во всю жизнь свою мама будущего митрополита Никодима (Ротова), Елизавета Михайловна. Вот что она вспоминает: «Произошло это как раз в день празднования Тихвинской иконы Божьей матери. Боря очень тяжело болел. Отец в то время работал строителем и уехал работать в район, а нас завез к бабушке в Петлиц. Но мальчик или простудился, наверное, – говорю «наверное» потому, что в Петлице врача не было, а медицинская помощь была далеко, километров за 7. Мальчик был в очень тяжелом состоянии, о том, чтобы везти его в больницу, не могло быть и речи. И вот сегодня праздник, а он умирает... Я очень переживала тогда – ему ведь было всего полтора года. Он был интересным мальчиком, уже начинал лопотать. Наконец все-таки приехал доктор, осмотрел ребенка, задумался, сказал бабушке, чтобы не оставляла меня одну, потому что ребенок очень плох. Я чувствовала, что голова начинает идти кругом. Посмотрела на Бору. Он лежал в кровати как раз напротив иконы Божьей Матери. Наконец, я не выдержала, почувствовала, что сынок умирает, схватила его, сию и плачу. А он поднимает свои глаза, большие такие глаза, и смотрит на меня, а потом на икону, как будто хочет, чтобы я помолилась. В этот страшный момент я дала очень большой

обет Богу, который держу до сих пор, и Боря стал поправляться. Это было на Тихвинскую. Впоследствии на Тихвинскую Божью Матерь его посвящали в епископы. С тех пор очень чту этот образ».

Для меня митрополит Никодим и ректор, владыка Герман, который взял меня к себе келейником – это особые люди, люди Церкви. Однажды владыка Герман меня позвал и говорит: «Митрополит Никодим готовит документы, их нужно доставить в Москву, завтра будет заседание синода. А поезд был в 22.48 из Ленинграда на Москву. Я отвечаю: «Владыко, благословите, буду собираться. 22 часа: документы я еще не получил. 22:20 – документов еще нет. 22:30 – документов все еще нет. 22:35 – владыка Никодим вызывает владыку Германа и говорит: «Документы готовы. А он успеет на поезд?». Пока разговаривали, брал благословение, оставалось 7 минут. Вокзал на Москву, он на Невском проспекте. Нужно было пройти через парк, где находится Академия, и по улице пройти на Московский вокзал. У меня оставалось несколько минут: «Господи, Благослови! Владыко, благословите!». Я за 6 минут добежал до поезда, прыгнул на ступеньку. Проводница перепугалась, но меня в вагон пустила. Когда я возвратился, митрополит вызвал меня и спросил: «Как ты успел?». «Вы же дали благословение, я успел».

На протяжении своей учебы в Ленинграде я очень часто с владыкой Никодимом разговаривал, высказывал свои пожелания, и многому у него учился. Однажды я пришел к владыке, и там был один из известных грузинских монахов, архимандрит Модест (Гамов), который тогда вместе с владыкой Зиновием поддерживал грузинское монашество, а вы знаете, что это было советское время, и очень всем было тяжело. Однажды, чтобы быть полезным для Церкви, я в разговоре митрополиту Никодиму задал такой вопрос: «Владыко, а Вы мне разрешите поступить учиться в гражданский ВУЗ?». Он меня спросил: «А на какой ты хочешь факультет?». Я ему перечислил на выбор: «Философский, исторический, медицинский, иностранных языков...». Владыка благословил меня испытать, что мне понравится, куда пойти. Однажды я хотел поступить в Медицинский институт, чтобы учиться, и на операции, когда разрежали больного, я упал в обморок, увидев кровь. Однако, ничего у меня не получалось, я не мог поступить ни в один вуз. Тогда я решил заниматься арабским языком и мне это разрешили. Со временем это оказалось для меня полезным, но об этом – позже. Жизнь и история монашества для меня всегда казались очень важными и были очень интересными. И случилось так, что один из особых монахов грузинского монашества – это был схиархимандрит Серафим (Романцев) – приехал в Харьков, и случайно мне сказали, что он находится в городе. Я пришел на квартиру, где его принимали, и сказал ему: «Отец Серафим,

как Вы думаете: время сегодня непростое, имеет ли смысл заниматься богословием, служить Богу?». А он на меня посмотрел, и ответил: «Это наша человеческая обязанность, какие бы события ни были, мы должны служить Богу при любых обстоятельствах». Эти слова для меня были очень важны. Также в Ленинграде по благословению владыки я познакомился с отцом Таврионом (Батозским). И на протяжении длительного времени я с отцом Таврионом поддерживал контакт и удивился, когда работник нашей библиотеки Короленко, Софья Богдановна Шоломова, написала свою книгу о Харьковском священстве, – я недавно ее издал. Там очень интересный рассказ об о. Таврионе. Это был величайший, интереснейший монах, архимандрит, который не боялся никаких трудностей, и умел за собой повести людей, которые бы служили Богу. Интереснейший рассказ, им интересовались многие. До меня мой знакомый, писатель Сергей Бычков, и другие, которые находили время для исследования жизни, страданий и монашеского подвига архимандрита Тавриона.

Все так складывалось, что интерес к грузинскому монашеству у меня возник особо после одного случая, который со мной произошел. Приезжая домой после учебы из Ленинградской Академии, я ходил в Благовещенский Собор помолиться, но чтобы никто не знал, что я туда хожу, чтобы меньше интересовались, не любил вести разговоры. И однажды шел из храма вечером и дошел до моста, который ведет к трамвайной линии, чтобы поехать затем в центр. Там стоял мужчина средних лет, и случайно ко мне подошел и говорит: «Я священник Илия». А я отвечаю: «А я студент Ленинградской Духовной Академии». Он улыбнулся, и сказал: «А Вы не подскажете, где здесь находится гостиница Спартак?». Я ему показал, мы с ним разговорились. Сегодня это грузинский патриарх Илия. Все эти события настолько на меня повлияли, что я терялся и не знал, как в жизни поступать, чем серьезным заняться, чтобы быть полезным Церкви.

«Благодати причастная твоя икона, Богородице Дево, яко сокровище драгоценное, Церкви Христовой от Тебе подадеша, в ней бо обещалася еси с нами быти до скончания века, рекши о первоначальной Твоей иконе: «С нею благодать Моя и сила!». Веруем, Всепетая, яко не оскудеет глагол Твой сей и яко во иконе Твоей святей на всяком месте и зде с нами пребываеши, идеже верно поется Сыну Твоему и Богу хвалебная песнь: Алилуия», – это строки из акафиста иконе Божией Матери «Достоинство есть», который написан в связи с духовным подвигом на Афоне.

О Положении честного пояса Пресвятой Богородицы известно, что после блаженного успения Девы Марии ее одежды, среди которых был и пояс, передавались верующими в Иерусалиме из поколения в поколение

как святыни. В правление греческого императора Аркадия, сына Феодосия Великого, честной пояс Пресвятой Богородицы был перенесен из Иерусалима в Константинополь. По повелению императора Аркадия его положили в особо устроенном ковчеге.

В 408 г. Пульхерия, сестра вступившего на престол Феодосия Младшего, перенесла святыню в построенный для нее в Константинополе храм. Место, на котором был построен храм, именовалось Халкопратия (что в переводе означает «медное торжище»). Оно располагалось недалеко от главного собора Константинополя – во имя Святой Софии, Премудрости Божией. Честной пояс Пресвятой Богородицы находился здесь в драгоценном ковчеге, запечатанном царской печатью.

Греческая Церковь в начале X в. в воспоминание об этом событии установила празднование Положения пояса Пресвятой Богородицы, которое впоследствии стало совершаться и Русской Церковью. В конце X в. пояс был разделен на три части. Византийские императоры нередко брали с собой эту святыню в военные походы. Однажды после поражения греков часть пояса перешла к победившему Болгарскому царю Коломану. Еще одна часть была принесена в Грузию дочерью византийского императора Романа III Аргири, которая вступила в брак с грузинским царем Баграмом Куропалатом. Сведения об этом событии находим в агиографической литературе.

Известно, что выдающимся агиографом был архиепископ Черниговский свт. Филарет (Гумилевский). Он впервые использовал в житиях святых архивные материалы, относящиеся к русским святым. Многими трудами по истории Русской Церкви и ее святых прославился выдающийся писатель прошлого столетия А. Н. Муравьев. Особенно ценны составленные им по благословию митрополита Московского Филарета «Жития святых Российской Церкви, а также Иверских и славянских». В те же годы епископ Димитрий (Самбикин; впоследствии архиепископ) составил большой агиографический свод «Месяцеслов святых». В своем труде архиепископ Димитрий обобщил научные достижения местных церковных историков, агиографов и краеведов, трудившихся в различных епархиях Русской Церкви.

Грузинская духовная литература характеризуется теми же чертами, что и сама Грузинская Церковь, единственная восточная община, оставшаяся верной греко-халкидонскому православию. В основном, она является отблеском византийской литературы, с помощью которой она явно противостояла соседним литературам, армянской и сирийской; но она не менее полно сохранила свой восточный и национальный характер, что помогло ей сберечь свою индивидуальность перед натиском мощной

греческой культуры и избежать тотальной эллинизации. Этот «царский путь» меры и равновесия характерен и для исихазма в его грузинском воплощении.

Приступая к составлению библиографии по грузинскому исихазму, необходимо было поставить себе особые вопросы: как сделать так, чтобы источники по истории грузинского монашества были доступны, понять, что препятствует раскрытию этой темы. Из этого следовало, что основная сложность проистекала из того обстоятельства, что работать над библиографией по исихазму и истории монашества в Грузии пришлось в разных городах бывшего Советского Союза, а сейчас находить те источники, которые в Харькове есть в библиотеке Университета, где я работал, и мне дали возможность многое пересмотреть.

Между эпохой расцвета грузинского монашества и временем, когда начали изучаться литературные памятники на грузинском языке, существует разрыв в несколько веков. Этот разрыв во времени необходимо было преодолевать всем исследователям, начинавшим работу с описи, инвентаризации того, что было создано и что сохранилось. Рассеянное по миру грузинское наследие требовало разыскания, описания, собирания, осмысления. На этот этап ушло много времени.

Что касается исихазма, то его ранние формы были чрезвычайно плодотворно восприняты грузинским монашеством: об этом свидетельствует и аскетическая практика, и обширная переводная и оригинальная литература, которая была в обиходе и формировала мировоззрение и культуру грузиноязычных народов. Однако в распространении позднего исихазма (Григорий Палама, Паисий Величковский и др.) заметную тормозящую роль сыграли исторические обстоятельства. Именно в годы расцвета позднего исихазма в его паламитских формах начался один из самых неблагоприятных и притом длительных периодов в истории Грузии, когда вся ее территория, ее Церковь с древними монастырями, хранилищами святости и святынь, были в поругании, подвергались периодическим опустошениям. Эти бедствия Грузинской Церкви не закончились ни с присоединением Грузии к Российской империи, ни с восстановлением автокефалии в 1917 году.

Основы и принципы, заложенные первыми исследователями, развивала целая плеяда блистательных грузинских ученых. Особое место в ряду исследователей грузинской христианской истории и литературы занимают зарубежные и русские ученые, посвятившие кавказоведению свой талант и энциклопедические знания. Среди них, в первую очередь, назовем академиком М. Броссе, Н. И. Кондакова, Преосвященного Порфирия (Успенского), отцов-болландистов Поля Пеетерса, Роберта Блэйка, Жерара Гаритта,

Мишеля ван Эсбука, Уго Дзанетти, а также профессора Дэвида М. Ланга, Бернара Утье, Жана-Поля Маэ, Бернадетт Мартэн-Изар. За рубежом, в Европе, протекала деятельность замечательных ученых-эмигрантов, полиглотов и эрудитов архимандрита Григола (Перадзе) (1899–1942 гг.), аббата Михаила (Тамарашвили, Тамарати) (1858–1911 гг.) и о. Михаила Тархнишвили (1897–1958 гг.).

Собирание, систематизация и изучение богатейшего рукописного наследия и материальной культуры было и остается важнейшей задачей для всех исследователей истории и литературы грузинского христианства. Но процесс изучения дополнительно затруднялся тем, что дошедшие до нас источники и памятники на грузинском языке были созданы и хранились не только в Грузии, но и за ее пределами, практически по всей христианской ойкумене. Грузия имела около 50 монастырей в других странах, и в каждой из этих обителей их строители и насельники, наряду с прочими монашескими трудами, создавали рукописи, переписывали, переводили – так что в итоге грузинские тексты рассеяны по всему миру. Основные центры, где переводились Священное Писание и святоотеческие творения, создавались и переписывались грузинские рукописи (и где эти рукописи сосредоточены и сейчас), находились вне Грузии – в Палестине, на Афоне, в Болгарии. Эти центры – крупнейшие из них Крестовый монастырь в Иерусалиме, Иверский (Грузинский) на Святой Горе Афон, Петрицонский в Болгарии – уже несколько столетий не принадлежат грузинам, монашеская жизнь в некоторых из них ослаблена или вовсе прервалась. Новые владельцы этих обителей, как правило, не владеют грузинским языком; они не заинтересованы в разыскании и обнаружении рукописей, и часто чинят препоны тем немногим исследователям, которые способны их прочесть. Понадобилось время и усилия многих, чтобы частично преодолеть эти препятствия. Но и по сегодняшний день во многих хранилищах мира осталось немало число необследованных грузинских рукописей, зачастую даже не опознанных как грузинские.

То, что сохранилось на территории самой Грузии, подвергалось не меньшим испытаниям. На протяжении веков почти все монастыри в той или иной степени были разрушены и разграблены, вместе с насельниками и насельницами сжигались и уничтожались фрески, иконы и, конечно, рукописи. Трагические эпизоды повторялись вновь и вновь...

Работая над всеми этими материалами, даже пришлось попросить ученицу проф. Харьковского университета Сергея Борисовича Сорочана – канд. ист. наук Ларису Филиппенко поместить в журнале «Вера и Разум» (последний номер, № 10) свою статью «Святые среди нас», где раскрыт процесс становления и развития грузинского монашества.

В целом неудивительно, что рукописные памятники не только не были изучены в полном объеме, но даже учтены и инвентаризованы они были лишь частично. Стараниями ученых-пионеров и их последователей, грузинских и иностранных специалистов, в течение двух последних веков ситуация постепенно менялась к лучшему, однако доньше многие рукописи из-за их недоступности остаются неисследованными. Надо ли говорить, что такие сокровища заслуживали бы более счастливой судьбы, нежели та, что выпала на долю грузинских христианских памятников!

Хотя можно утверждать, что литература и историография грузинского монашества и сама его история началась в VI веке, с приходом сирийских отцов – Иоанна Зедазнийского (или Зедазенского, память 7 / 20 мая) и его двенадцати учеников, на самом деле грузинское монашество и присущий ему образ святости уходят корнями в первые века христианства. Во всяком случае, есть свидетельства о том, что после прихода святой Нино в Грузию и ее проповеди, крещения царя Мириана и царицы Наны и принятия христианства в качестве государственной религии, началось повсеместно строительство церквей и монастырей. Одновременно с основанием первых монастырей на территории Грузии строились обители и храмы также и в Святой Земле. Один из крупнейших грузинских монастырей, знаменитый Крестный монастырь в Иерусалиме, был основан в IV веке при святом равноапостольном царе Мириане, и, соответственно, там в это время уже были монашествующие. В более поздние века в нем трудились св. Прохор Грузин, настоятель и возобновитель монастыря (XI в.), святые мученики Лука Иерусалимский (1277 г.), Николоз Двали (1314 г.).

Однако настоящий расцвет монашеской жизни в самой Грузии, притом, одновременно и в уединенной, и в общежительной форме, зафиксирован в исторических документах в связи с приходом в Грузию (Картли и Кахети) «сирийских отцов». Так с древности прозывали группу подвижников, собранных вокруг своего учителя Иоанна, который получил имя Зедазнийского по названию горы вблизи от тогдашней столицы Иверии Мцхета, где они сразу обосновались и начали строить Иоанно-Зедазнийский монастырь. То были преподобные авва Иосиф Алавердский (память 15 / 28 сентября), Шио Мгвимский (память в четверг Сыропустной седмицы и 9 / 22 мая), Давид Гареджийский (память в первый четверг по Вознесении), чудотворец Антоний Марткопский (память 19 января / 1 февраля), принесший с собой Нерукотворную икону Спасителя из Эдессы, Исе Цилканский (память 2 / 15 декабря), Авив Некресский (память 29 ноября / 12 декабря), Исидор Самтавийский, Фаддей Стефанцмидский, Стефан Хирсский, Зенон Икалтойский, Пирр Бретский, Михаил Улумбийский. Необычайность событий была в том, что эти тринадцать святых отцов –

монахи и проповедники из Антиохии – за малое время основали и построили множество монастырей в Грузии и церквей, быстро собрали вокруг себя учеников и последователей аскетической жизни и на многие столетия вперед определили пути развития грузинской православной святости, аскетизма и подвижничества. Первые монастыри, основанные по благословению тогдашнего католикоса Евлавия вслед за Иоанно-Зедазнийским – это Шио-Мгвимский монастырь, Давид-Гареджийский монастырь, разросшийся в обширную Лавру, Марткопский, Алавердский, Самтависский (в честь Нерукотворной иконы Спасителя), Хирсский во имя первомученика Стефана, Икалтойский (где четыре века спустя была основана Академия), Бретский, Улумбийский монастыри. Все они стали школой грузинского монашества. С этими обителями связаны имена святых преподобных отцов Додо Гареджийского, ученика Давида Гареджийского, Евагрия и Илии-дьякона, сподвижников Шио Мгвимского, преподобного Онуфрия Гареджийского, чудотворца (XVIII в.).

Грузинские монастыри и духовные центры были основаны также в различных краях Византийской империи, но особенно в Константинополе, с которым Грузия была тесно связана со времен Константина Великого и где, в частности, подвизался один из выдающихся аскетов, преподобный Иларион Грузин. Исключительное место в духовной жизни Грузии занял Афон, где прп. Иованэ Иверский (ум. в X в., память 12 / 25 июля) и его сподвижник преп. Иованэ-Торникэ, при поддержке св. Афанасия построили Иверский монастырь. Сын Иованэ и второй настоятель Ивирона, преподобный Эптвимэ (Евфимий) Иверский (ок. 955–1028 гг., память 12 / 25 июля) стал ключевой фигурой в переводческой деятельности грузин. Как свидетельствуют рукописи и перечисление его трудов, данное в его «Житии» Георгием Святогорцем, он перевел огромное число основоположных текстов, «и так умножил вверенный ему талант». Среди его переводов находим «Поучения» свт. Василия Великого и его же толкования на псалмы, книги прпп. Иоанна Лествичника, Макария Египетского, аввы Дорофея, святого Исаакия, поучения прпп. Максима Исповедника, святого Зосимы, святого Кассиана, Ефрема Сирина, слова свт. Григория Нисского и прп. Иоанна Дамаскина, различные толкования Евангелия и библейских книг. Эти труды и переводы священных и святоотеческих текстов продолжил Георгий Святогорец (1009–1065 гг.). С Афоном связаны Иоанн Грдзелидзе, Арсен Ниноцмидели (Ниноцмидский), Захарий Мирдатидзе, Георгий Олтисари (стал игуменом Иверского монастыря в 1065 году). Преподобный Иоанн Хахульский, епископ Болнисский, а затем Хахульский, нареченный Златоустом (X–XI вв., память 10 / 23 марта), в 1019 году оставил кафедру и отправился в Иверский монастырь, где

вместе со своим духовным отцом Иоанном Грдзелидзе и Арсением Ниноцмидским сотрудничал в переводческих трудах с преподобным Евфимием. В XIX в. в Иверском монастыре жили и прославились духовными подвигами схимонах Виссарион Кикодзе, иеросхимонах Венедикт Китиашвили, Иларион Канчавели. С ними связан значительный подъем творческой активности грузинских афонцев. Ими переписаны в IX в. несколько грузинских рукописей.

Характерной чертой грузинского монашества было соединение разных форм аскезы. Они сочетались без конфликта, без внутрицерковной борьбы и крайностей в духовных делах. Немаловажную роль здесь сыграло то обстоятельство, что развитие и расцвет грузинского монашества в самой Грузии и за ее пределами пришлось на эпоху, когда все стороны духовного развития находились в гармонии, и внутреннее делание сочеталось с внешними подвигами и строительством.

Еп. Кирион в своей книге «Культурная роль Иверии в истории Руси» отмечает, что когда примерно с 961 г., по инициативе византийских венценосцев Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия и почитаемого ими Афанасия Афонского, началось преобразование монастырской жизни на Афоне и «когда, вместо анахоретской жизни, был заведен быт общежительный с определенным уставом, то исихасты сочли это за ограничение своих прав и восстали против Афанасия как главного виновника и насадителя на Афоне общежительного монашества». Однако, как заключает еп. Кирион, «в 971 году умиротворены были все афониты, исихасты и монастырники, уставом императора Иоанна Цимисхия».

Основатели грузинского Иверского монастыря были самыми близкими сотрудниками прп. Афанасия Великого, и в годы этих споров жили в Великой Лавре. Вся последующая история их пребывания на Афоне говорит о расцвете монастырской жизни при полном приятии отшельничества. Сохранившиеся жития преподобных, и не только афонцев, свидетельствуют не просто о параллельном развитии этих форм монашеской жизни, но об их взаимосвязи и взаимопроникновении. «Были же и внутри [в монастыре] и вне [безмолвники и отшельники], духовные и богоносные отцы», – пишет об этом времени Георгий Святогорец, автор жития Иоанна и Евфимия Иверцев.

О существовании практики Иисусовой молитвы можно судить прямо и опосредованно, исходя из многих источников и фактов. Важнейшим свидетельством является большое число довольно ранних переводов из учителей безмолвия, которые сохранились в разных вариантах и в рукописях, созданных в разных концах Грузии и грузинской монашеской диаспоры. Наряду с этим, почти в каждом «Житии» мы находим также и прямые сви-

детельства практики Иисусовой молитвы. Например, в «Житии Григория Хандзтели», написанном Гиорги Мерчулэ, есть немало эпизодов, которые говорят об этом. Есть также рассказ о встрече Григория Хандзтийского со старцем Хведиосом, из которого видно, что Иисусова молитва практиковалась как в среде грузинского уединенного монашества, так и в монастырях. Характер этого эпизода, который связан со старым монахом-отшельником Хведиосом, жившим в уединении, пока в его края не пришел Григорий Хандзтийский, чтобы построить здесь за короткое время огромный монастырский комплекс, дает основание предположить, что в этот период Иисусова молитва и умное делание были в грузинском ареале чем-то принятым, если не распространенным, с чем архимандрит Григол Хандзтели был знаком смолоду. Автор «Жития» называет Хведиоса «старцем уединенным», «человеком праведным и святым», который «узрел видение, и не во сне, но наяву» и еще до прихода Григория уже знал, что здесь будет построена святая церковь руками Григола, он станет «пастырем добрым множества словесных овец Христовых», а сам старец вскоре отойдет ко Господу.

Известно, что Христианский Восток всегда имел свои особые черты, совершенно неповторимые и отличные от латинского Запада. На самом Востоке сосуществовали различные традиции, сознававшие свою национальную, географическую и историческую самобытность.

«Противостояние иудео-христианства и эллинистического христианства в наибольшей степени будет занимать тех, кто пытается выявить характеристические черты духовной традиции христианского Востока». Необходимо отметить, что обе эти традиции христианства пустили корни в картвельской ойкумене, и, таким образом, был получен их особый синтез.

История грузинского монашества и зарождение монашеской мистики начинается с VI в., и она тесно связана с сирийской и коптской традицией, то есть традицией христиан семитского происхождения. Формы монашеского любомудрия, которые проникали из этих стран, претерпевали некоторые изменения, которые были вызваны влиянием биоландшафта, иногда – противоположностью мышления динамического и статического, субъективного и объективного, интереса к форме или интереса к материи.

Известно, что монашество как удаление от мира для всецелого и безраздельного служения Богу, появилось в Египте, где сама природа способствовала его зарождению. В данном случае мы подходим к вопросу об одном из видов первохристианского подвижничества, известного под именем «воскизм». Среди тринадцати сирийских отцов, которые прибыли в Картли в VI в. и обосновались в Гареджийской пустыне, были и «воски».

По мнению многих ученых, свое распространение воскизм получил в Сирийской Церкви – в Месопотамии. Церковный ученый Созомен в своем труде (VI книга, глава 33), перечисляя по именам 9 восков, подвизавшихся близ горы Сигор, говорит, что «они положили начало этому новому роду любомудрия – воскизму».

Такое любомудрие не является новым для описываемого Созоменом времени, с другой стороны, вышеприведенные слова можно понимать в том смысле, что перечисленные подвижники положили начало воскизму у себя на родине в Месопотамии, где воскизм действительно является «новым» родом любомудрия, но до проникновения в Сирию он мог быть известен в другом виде. В грузинских памятниках церковной письменности имеются сведения об Исидоре Тавеннийской. Сведения эти не лишены значения в деле изучения прошлых судеб христианского аскетизма и внедрения идеалов и видов монашеского любомудрия посредством литературных памятников.

Воскизм, по грузинским источникам, возник первоначально в Египте, а отсюда перешел и в другие страны, в частности, в Месопотамию. Одним из первых и, вместе с тем, самых древних переводных памятников грузинской церковной письменности, возникшей в Палестине в V в., как утверждал академик К. Кекелидзе, являлось «Житие и подвиги Нисимы, дочери царя египетского, сделавшейся в пустыне настоятельницею четырехсот святых отцов-пасущихся». Любопытно, что воском назван по-грузински и Онуфрий отшельник, грузинский перевод жития которого озаглавлен так: «Житие святого отца нашего Онуфрия пасущегося и других отшельников, которых видел блаженный Пафнутий». Так или иначе, в начальном периоде становления монашества в картвельской ойкумене (до этого, можно сказать, эллинизированной) в него внедряются, благодаря тринадцати сирийским отцам, разные виды первохристианского подвижничества, совершенно неизвестные миру. (Напомним, что тринадцать сирийских подвижников-родоначальников грузинского монашества – это Иоанн Зедазнийский и двенадцать его учеников: Авив, епископ Некресский, Антоний Марткопский, Давид Гареджийский, Зенон Икалтийский, Фаддей Стефанцмидский, Иса, епископ Цилканский, Иосиф, епископ Алавердский, Исидор Самтавийский, Михаил Улумбийский, Пирр Бретский, Стефан Хирсский и Шио Мгвимский).

В VI в. прибывшие поэтапно в Картли сирийские отцы, по благочестивому преданию являвшиеся учениками прп. Симеона Столпника, поселились в Гареджийской пустыне. В Картли прибывшие сирийские отцы поселились в отдаленных друг от друга гротах или скалистых расщелинах и нарекались *Paracheli*. Этимология слова «*Parachi*» такова – это ого-

роженное место для стойбища, загона овец, то есть овчарня. Для мужей с библейским восприятием мира наименование *Paqecheli*, естественно, наполнено позитивным содержанием.

До нас дошли пространные редакции житий прпп. Иоанна Зедазнийского, Шио Мгвимского и Евагра, Давида Гареджийского и Лукиана, Авива Некресского, а также синаксарные редакции жизнеописаний Исы Цилканского, Иосифа Алавердского и Антония Марткопского. Кроме письменных источников, Грузинская Православная Церковь сохранила очень много преданий о подвижничестве вышеупомянутых святых в Гареджийской пустыне.

Прпп. Давид Гареджийский, Антоний Марткопский (что в переводе на русский означает «уединенный»), Лукиан и Евагр, Иса Цилканский – это строгие анахореты. Некоторые из этих отшельников пошли еще дальше по пути самоумерщвления, они, как истинные воски, не ели хлеба и вареной пищи, питались дикими биллями, фруктами и семенами, пили только воду, а большинство из них не вкушали никогда вина. В «Житии Давида Гареджели» упомянут некий воск, который питался диким сельдереем. Место, где произрастала эта трава, орошалось каким-то ручьем. По мнению воска, эта вода придавала траве горький привкус. В Гареджийской пустыне больше ничего не произрастало. События указанного жития свидетельствуют о том, что воску долгое время приходилось питаться, вкушая лишь горькую траву и запивая ее собственными слезами. По истечении времени, он пожаловался своему авве, попросив сжалиться над ним. В ответ на это св. Давид вознес свои молитвы к Богу, и вода в ручье перестала быть горькой. С наступлением холодов, когда съедобной травы не стало, на помощь свв. Давиду и Лукиану пришли дикие олени, молоком которых они питались. Спали святые на голой земле, кладя в изголовье камень. «Не было у них ни милоти¹, ни одежды. Нагие, облекшиеся в собственные волосы, босоногие противостояли они летнему зною и зимним лютым морозам».

Прибывшие в Картли тринадцать сирийских отцов свой подвижнический путь прошли по-разному. Антоний Марткопский пребывал в уединении и безмолвии; святые Шио и Евагр, Давид и Лукиан подвизались в обществе одного или двух братьев. Однако, св. Шио нельзя отнести к воскам. Местом его подвижничества был глубокий колодец, куда ему в течение двадцати лет пищу (в основном хлеб) приносил голубь. Хлебоядный св. Шио был акимитом (неусыпающим). Образ жизни и склад мыслей св. Шио являет собой удивительный феномен одной из предельных

¹ Одежда из овчины мехом наружу.

крайностей осознания человеком своей духовности, практически полностью отдельно от материальной (телесной) основы, не только идеально, но в реальности, в живом человеке. Крайний аскетический образ жизни привел св. Шио, по свидетельству агиографа, в состояние душевного равновесия и покоя, к сохранению физического здоровья и возникновению даже особой красоты тела и светоносного лика (умная молитва со всеми перипетиями описана именно в «Житии свв. Шио и Евагра»). В целом события корпуса житий тринадцати сирийских отцов свидетельствуют об их крайне аскетическом отношении к своему телу. Таким образом они надеялись искупить свои грехи, не щадя своей плоти, желая ее умертвить. Этот вид аскезы – крайнее отношение к плоти – не получил широкого распространения в монашеской среде, а в грузинской агиографии стал мотивом, важным в деле спасения людей.

Благодаря трудам великого Афонского подвижника Георгия Мтацминдели (1009–1065 гг.) в Грузии внедряется богослужебный чин свт. Василия Великого, в котором аскетика, литургика и догматика неразрывно связаны с монашеским подвигом.

Таким образом, гимнография, искусство и богословие в период зарождения, становления монашества в Грузии представляли собой синтез элементов, заимствованных из различных христианских традиций. В Кларджетской пустыне, например, мы имеем полную картину кристаллизации разных традиций. В X в. завершается эллинизация грузинского монашества, сохраняя многие предания и следы первоначального христианства.

Необходимо сказать, что на протяжении веков и, в особенности, в последнее время среди грузинского монашества выделялись люди, которые своей жизнью раскрывали особый подвиг монашества. Одним из таких был старец Гавриил (Ургебадзе), о котором написана статья в журнале «Вера и разум». Это был особый подвижник, который выделялся тем, что, увидев человека, увидев его недостатки, он человека не осуждал, а искал возможность, чтобы раскрыть так перед ним смысл жизни, чтобы он сам понял и изменил свою жизнь. В Грузии была издана книга «Юродивый Гавриил (Ургебадзе). Преподобно-исповедник». По сообщению архимандрита Кириона (Ониани), духовного чада главного героя, узнаем, что старец Гавриил (Годерзи Васильевич Ургебадзе) родился в Тбилиси 26 августа 1929 г. Его отца убили при странных обстоятельствах, когда мальчику было 2 года, поэтому все называли его «Васико» в знак уважения к отцу. Мать осталась одна с маленькими детьми на руках.

Случайно от двух рассерженных соседей Васико узнал о Христе. Во время ссоры один сказал другому: «Ну и измучил ты меня, как Хри-

ста на распятии!». Мальчик услышал и с тех пор начал свои неутомимые поиски – Кто же Он, Этот Распятый, устремившись к Нему всей своей жизнью.

Еще ребенком он побывал в нескольких монастырях, попал к двум удивительным подвижникам, которые духовно подготовили его к очень непростой жизни. Из его дальнейшей биографии известно, что он обратился к вере приютившую его маститую гадалку, видел беса, принимал поручение на уборку храма от великомученика Георгия и тому подобное. И это было только начало. С принятием монашеского пострига и сана священника «простой» грузинский парень последовал крестным путем с еще более удивительной силой.

Для Грузии старец Гавриил – как для Греции старец Паисий Святгорец. Он стяжал дары прозорливости и чудотворений, еще при жизни его почитание в народе было огромным. 24 декабря 2012 г. его прославили в лике святых как преподобного. И произошло это в невероятно короткий срок – спустя семнадцать лет после кончины. 22 февраля 2014 г. были обретены мощи преподобного Гавриила, которые оказались нетленными и были положены в Преображенской церкви монастыря Самтавро в грузинском городе Мцхета. 25 декабря 2014 г. имя преподобного Гавриила Самтаврийского внесли в месяцеслов Русской Православной Церкви с установлением дня памяти 2 ноября – как и в Грузинской Православной Церкви.

В трудное время гонения на Православие, необходимо наряду с этим современным святым особое почтение воздать святителю Зиновию (Мажухо). Это был особый человек, который объединил вокруг себя тех людей, которые не стыдились исповедовать веру Христову, не стыдились жить для Христа и людей. Святитель Зиновий всю свою жизнь искал возможности, чтобы люди не боялись прославлять Христа, не боялись Христа исповедовать, жили по-христиански. Среди его учеников был один известнейший сегодня человек, житием которого интересуются многие люди – это схииеромонах Виталий (Сидоренко), который, не боялся трудностей, не боялся сказать правду о том, что происходит, что будет происходить, и что делать для того, чтобы вера Православная не была в сердцах людей уничтожена. Среди известных грузинских монахов архимандрит Иоанн Майсурадзе, архимандрит Георгий Мцхеидзе (в схиме Иоанн), иеромонах Василий Перцхелава и другие, которые и сейчас тайно ведут особую монашескую жизнь в грузинской Церкви. Сегодняшний грузинский патриарх Илия поощряет, чтобы подвиг духовного делания в Грузинской Церкви процветал и делает все возможное, чтобы вера Христова в этой стране была на высоте.

ЛИТЕРАТУРА

- Башелешвили Л.* Принципы монастырской жизни по памятникам грузинской агиографической литературы. Тбилиси, 2001.
- Жития святых Российской Церкви. Также Иверских и славянских и местночтимых подвижников благочестия: в 18 т. СПб., 1855–1868.
- Кекелидзе К.* Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. VII. Тбилиси, 1961.
- Кирион, еп.* Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910.
- Месяцеслов святых, всею Русскою Церковию или местночтимых и указатель празднеств в честь икон Божьей Матери и святых угодников Божиих в нашем отечестве. Вып. 1–4 (сентябрь–декабрь). Каменец-Подольский, 1892–1895; Вып. 5–12 (январь–август). Тверь, 1897–1902.
- Особенности исихастской традиции в Грузии // РУССКИЙ АФОН. Православный духовно-просветительский портал о русском монашестве на Святой Горе Афон. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://afonit.info/biblioteka/nasledie-svyatoj-gory/osobennosti-isikhastskoj-traditsii-v-gruzii>
- Филарет, архиепископ Черниговский.* Русские святые, чтимые всею Церковью или местно, Опыт описаний их: в 9 т. Чернигов, 1861–1865.
- Шпиндик Ф.* Духовная традиция восточного христианства. М., 2000.